

Н.Н.Гудалов, Д.С.Тулупов
**СЕМИОТИКА СТРЕССОУСТОЙЧИВОСТИ
В МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЯХ:
МНОГООБРАЗИЕ АКАДЕМИЧЕСКИХ
И ПОЛИТИЧЕСКИХ СМЫСЛОВ¹**

¹ Исследование выполнено при поддержке Российского научного фонда (проект №17-18-01110).

Николай Николаевич Гудалов — кандидат политических наук, старший преподаватель кафедры европейских исследований факультета международных отношений Санкт-Петербургского государственного университета. Для связи с автором: n.gudalov@spbu.ru.

Дмитрий Сергеевич Тулупов — кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры теории и истории международных отношений факультета международных отношений Санкт-Петербургского государственного университета. Для связи с автором: touloupovd@yandex.ru.

Аннотация. В последние годы в политологическом и политическом дискурсе западных государств все активнее используется понятие «стрессоустойчивость». Это понятие характеризует реакцию субъектов на воздействие шоков любого рода и происхождения, однако общепринятого его определения пока не выработано. Задействовав в качестве теоретической основы семиотику, авторы поставили перед собой задачу выявить характер взаимосвязи между употреблением понятия «стрессоустойчивость» в научном дискурсе и его применением в политической практике. Были проанализированы научные трактовки «стрессоустойчивости» и формы употребления данного понятия в документах, отражающих подходы к внешней и оборонной политике Европейского союза, ФРГ, Франции и Великобритании. Проведенное исследование показало, что понятие «стрессоустойчивость» обладает весьма широкой денотацией и большим набором коннотаций и его место в структуре дискурса порождает ряд проблем как синтагматического, так и парадигматического плана. Вследствие этого, как полагают авторы, особую важность в прочтении стрессоустойчивости приобретает прагматическое измерение, то есть практики интерпретации и использования понятия во внешней политике различных государств. Вместе с тем, по их заключению, сама аморфность понятия «стрессоустойчивость» расширяет свободу маневра заинтересованных акторов в обращении с не менее аморфными рисками и угрозами международной безопасности, пролиферация которых сопровождает развитие глобализации.

Ключевые слова: стрессоустойчивость, устойчивое развитие, внешняя политика, безопасность, Европейский союз

Введение

После окончания холодной войны развитие системы международных отношений приобрело комплексный характер, что наглядно выражается в расширении числа субъектов, факторов, влияющих на их поведение и мотивацию, а также пространства глобальных рисков и угроз. Поэтому для действительно глубокого осмысления актуальных процессов в сфере международных отношений зачастую требуются новые теоретические и методологические подходы. Среди таких подходов особого внимания заслуживает концепция стрессоустойчивости (*resilience*). Зародившись в экологии и инженерных науках, эта концепция в последние годы переживает по-настоящему лавинообразный всплеск популярности как в политологическом, так и в политическом дискурсе западных стран. Анализ многообразия ее формулировок представляется важным и в теоретическом, и в практическом плане.

Отправной точкой для современной научной дискуссии о стрессоустойчивости как отдельном понятии послужила статья, написанная в 1973 г. канадским экологом Кроуфордом Холлингом. В ней стрессоустойчивость отделялась от стабильности экологических систем и определялась как «мера стойкости систем и их способности поглощать изменения и колебания и при этом сохранять прежние отношения между популяциями или переменными состояниями»². Из экологии, естественных и инженерных наук категория стрессоустойчивости была перенесена в социальные и гуманитарные дисциплины, фактически претендуя на статус общенаучного термина, при помощи которого можно описывать реакции любых сложных систем на шоки любого рода и происхождения. Скажем, в международных отношениях речь может идти о стрессоустойчивости конкретного уровня международной системы, идеологии или института.

Примечательно, что общепринятого определения самого понятия пока не выработано. Так, в статье Фридолина Бранда и Курта Джакса, проанализировавших значения, в котором использовался термин в важнейших научных работах с начала 1970-х годов (то есть фактически с момента ведения его Холлингом), показано, что эти значения распадаются на три категории и 10 классов³. Многие ученые, особенно в общественных дисциплинах, дают стрессоустойчивости довольно широкие трактовки, к тому же учитывающие конкретный социальный контекст. В частности, Филипп Бурбо, один из ведущих исследователей стрессоустойчивости в международных отношениях, рассматривает ее как «процесс структурированных приспособлений, на которые идет общество или индивид перед лицом эндогенных или экзогенных шоков»⁴. Другие специалисты вообще склонны считать плюрализм интерпретаций стрессоустойчивости закономерным и во многом положительным явлением. Например, для Сэмюэля Рендэллса и Стефани Саймон стрессоустойчивость — это и не «решительно новый сдвиг в формировании политических курсов», и не «просто пустое означающее». С их точки зрения, анализировать следует конкретные практики употребления этого слова в политическом дискурсе⁵. Важно также отметить, что

² Holling 1973: 14.

³ Brand and Jax 2007.

⁴ Bourbeau 2017: 28.

⁵ Randalls and Simon 2017: 38.

в российской историографии по общественным наукам, а также в отечественном политическом дискурсе термин «стрессоустойчивость» пока используется крайне редко.

В настоящей статье предпринята попытка выявить характер взаимосвязи между употреблением понятия «стрессоустойчивость» в научном дискурсе и его применением в политической практике. Для решения этой задачи мы проведем типологизацию научных трактовок стрессоустойчивости и проанализируем особенности употребления данного термина в документах, отражающих концептуальные основы внешней и оборонной политики ведущих международных акторов в Западной Европе (Европейского союза, ФРГ, Франции и Великобритании).

**Теоретические
аспекты:
стрессоустойчивость
сквозь призму
семиотики**

С учетом поставленной задачи в качестве теоретической основы исследования нами была избрана семиотика, которая в самом широком смысле обычно определяется как исследование знаков⁶. Конечно, семиотика позволяет изучать самые разные системы, объединяющие людей, животных, компьютеры и т.д. Она не сводится к анализу естественных или искусственных языков, давая возможность анализировать любые означающие, означаемые и их социальные контексты (например, виды искусства). Аналогичным образом и концепция стрессоустойчивости обращается к различного рода системам и связям между ними. Внимание семиотики к значению сближает ее с конструктивизмом, с помощью которого чаще всего исследуется стрессоустойчивость в международных отношениях. Тем не менее попыток семиотического анализа стрессоустойчивости в мировой науке пока не предпринималось. По словам Бена Андерсона, «хотя, похоже, все согласны с тем, что стрессоустойчивость получила распространение, согласие в том, что же именно получило распространение, как и почему, проявляется слабее»⁷. Семиотика позволяет уточнить, какой именно смысл вкладывается в это понятие, как и почему оно взаимодействует с другими понятиями.

⁶ Posner 1997: 1.

⁷ Anderson 2015: 60.

Вслед за Чарльзом Моррисом семиотику обычно разделяют на синтактику, семантику и прагматику. Область синтактики — это «отношение между данным знаковым средством и другими знаковыми средствами»; семантики — «отношения между знаковыми средствами и их означаемыми»; прагматики — «отношение между знаковыми средствами и их интерпретаторами»⁸. Три измерения семиотики позволяют рассмотреть фактически все важные аспекты употребления слова «стрессоустойчивость». Семантическое измерение дает возможность сосредоточиться на вкладываемых в него смыслах; синтаксическое — на том, как данное слово сочетается с другими; прагматическое — на его интерпретациях.

⁸ Nöth 1995: 50.

При оценке смыслов знака в семиотике различают денотацию и коннотации. Под денотацией понимают «дефинициональное, буквальное, очевидное или обиходное значение знака»; коннотации же «обозначают социокультурные или „личные“ ассоциации... знака»⁹.

⁹ Chandler 2007: 137—138.

С точки зрения структуры знаковой системы в семиотике выделяются синтагматические и парадигматические отношения, различение которых восходит еще к Фердинанду де Соссюру. Синтагмой называют «упорядоченную комбинацию взаимодействующих означающих, которая образует осмысленное целое»¹⁰. Иными словами, синтагма показывает, каким образом могут между собой взаимодействовать разные означающие, *одновременно* встречающиеся в системе. В свою очередь, парадигма есть такой «набор ассоциированных означающих или означаемых», в котором каждый элемент «может быть структурно заменен другим; выбор одного исключает выбор другого»¹¹. Например, парадигму составляют отдельные части речи: так, разные наречия могут заменять друг друга на одной позиции, но не могут находиться на ней *одновременно*. Шире, парадигмой можно назвать *альтернативные* способы подачи информации о чем-либо: скажем, с помощью одного, *а не* другого жанра; через характеристику чего-либо как науки, *а не* идеологии и *не* практики, и т.п.

¹⁰ Chandler 2007: 85.

¹¹ Ibid.: 84—85.

При анализе актуальных проблем международных отношений, в том числе феномена стрессоустойчивости, вполне можно использовать также теорию знака Чарльза Пирса, тесно связанную с его прагматической философией в целом. Обосновывая преимущества этой теории для исследования международных отношений, Энни Кэнгэс отмечает важность того факта, что к схеме «означающее—означаемое» в ней добавлен третий элемент — так называемый интерпретант. В результате, помимо «физической части», представляющей объект, знак, по Пирсу, стал включать в себя и осмысление, которое зависит от контекста его употребления¹². Очевидно, что тем самым «Пирс хотел связать разрывывание семиозиса с человеческой потребностью в приспособлении к некоторым конкретным проблемам нашего земного существования»; соответственно, его теория разворачивает семиотику к реальным социальным акторам и практикам, многообразию интерпретаций знаков и их подвижности¹³. Знаки, с этой точки зрения, подвержены «постоянной трансформации и реинтерпретации»¹⁴. Сегодня можно вести речь о «социальной семиотике», которая «подчеркивает ситуативность производства значений и пластичность правил и закономерностей» интерпретации знаков¹⁵.

¹² Kangas 2009: 326.

¹³ Ibid.: 325—326.

¹⁴ Werner 2001: 365.

¹⁵ Andersen, Vuori, and Guillaume 2015: 448.

Понятие «стрессоустойчивость»: плюрализм научных трактовок

Говоря о денотации и коннотациях стрессоустойчивости, следует прежде всего отметить подвижность границы между ними. У понятия «стрессоустойчивость» в принципе трудно выделить единое, «верное» значение, тем более в общественных науках. По степени аморфности содержания оно вполне сопоставимо с такими базовыми категориями теории международных отношений, как «сила» или «идентичность».

И все же его определения, пусть и широкие, учеными предлагаются. В частности, проанализировав 106 эмпирических работ в области общественных наук, где используется термин «стрессоустойчивость»,

¹⁶ Downes et al. 2013: 4.

Барбара Даунз и ее соавторы обнаружили, что более чем в 40% из них ему было дано какое-то определение¹⁶. При этом определения различаются уже по ключевому элементу именной части своего сказуемого («*что* есть стрессоустойчивость»). Например, в одном из номеров журнала «Politics» «стрессоустойчивость названа „этосом“, „программой“, „идеологией“, „концептом“, „термином“, „рациональностью управления“, „доктриной“, „дискурсом“, „эпистемным полем“, „логикой“, „модным словечком“, „нормативным или идеальным концептом“, „стратегией власти“ и т.д.»¹⁷. Вполне очевидно, что данные слова не совпадают по смыслу. Более того, они предполагают разные синтагматические (с какими другими знаками термин «стрессоустойчивость» сможет сочетаться в дискурсе) и парадигматические (что этот термин сможет заменять) отношения. Наконец, в плане прагматики эти расхождения позволяют по-разному использовать термин, в том числе в оценочном плане. Так, если определить стрессоустойчивость как «идеологию», фраза «Ученые измерили стрессоустойчивость (как одно из объективных свойств) актора X» утратит какой-либо смысл. Но зато возможно будет высказывание: «Актор X отстаивает повестку стрессоустойчивости (как одну из идеологий)».

¹⁷ Anderson 2015: 60.

Одно из ключевых разночтений в понимании термина касается соотношения статики и динамики. Бурбо, например, призывает определять стрессоустойчивость как «процесс». Тем не менее выборка Даунз и ее соавторов показывает, что большинство обществоведов склонны считать ее «состоянием (а не исходом)», не связывая с результатами перемен¹⁸.

¹⁸ Downes et al. 2013: 6.

Как крайний случай плюрализма смыслов может рассматриваться позиция, согласно которой определять стрессоустойчивость не стоит вообще. Тогда, с точки зрения семиотики, это понятие распадается на множество социально или даже личностно обусловленных коннотаций.

Помимо отмеченного выше аспекта, синтагматическое измерение анализируемого понятия образовано совокупностью проблемных вопросов.

¹⁹ Carpenter et al. 2001: 767.

1. О стрессоустойчивости «*чего*» и «*перед чем*» можно говорить?¹⁹ Как ни странно, для многих работ, относящихся к сфере общественных наук, характерно «преобладающее внимание к уровню индивида» при сравнительной редкости «исследований глобального и международного масштабов»²⁰. Что касается вызовов, перед которыми оказываются системы и реакцией на которые выступает стрессоустойчивость, то их чаще всего сводят к «антропогенным истокам перемен», исключая из рассмотрения природные вызовы²¹. Такое исключение тоже сужает исследовательское поле.

²⁰ Downes et al. 2013: 5.

²¹ Ibid.: 4.

2. Правомерно ли употреблять термин «бинарным образом» («стрессоустойчивость либо есть, либо нет»), или же точнее вести речь о большей или меньшей стрессоустойчивости²²?

²² Bourbeau 2017: 28.

3. Можно ли говорить, что кто-то *воздействует* на стрессоустойчивость системы *извне*, учитывая, что «стрессоустойчивость чаще всего определяется как внутреннее свойство... самоорганизующихся систем»²³?

²³ Randalls and Simon 2017: 44.

В парадигматическом аспекте употребление слова «стрессоустойчивость» зависит от того, *в качестве чего* таковая определяется. Спектр значений, которые вкладываются сегодня в это понятие, максимально широк — от научного подхода до идеологического инструмента. Соответственно, «стрессоустойчивость» ставится в ряд то с другими научными подходами (в частности, с оперирующим понятием «устойчивое развитие»), то с другими идеологиями. Остановившись особо на диалектической привязке «стрессоустойчивости» к «устойчивому развитию» (sustainable development), представляется важным понять, имеются ли между этими двумя терминами содержательные различия, или же первый есть лишь «модный» вариант второго.

Наконец, в прагматическом плане вполне очевидно, что даже научный дискурс о стрессоустойчивости оставляет простор для различных ее интерпретаций. Например, в составленной Брандом и Джаксом классификации выделены «10 определений стрессоустойчивости с учетом степени нормативности»²⁴. Многие специалисты считают, что стрессоустойчивость допускает различные политические трактовки, а некоторые даже говорят о стрессоустойчивостях во множественном числе²⁵.

²⁴ Brand and Jax 2007.

²⁵ Randalls and Simon 2017: 41.

Артикуляция стрессоустойчивости в политической практике

Перенос понятия стрессоустойчивости из теоретического поля в область политической практики неизбежно сопряжен с еще бóльшим усложнением семантических, синтагматических, парадигматических и иных аспектов, которые можно выявить в ходе анализа документов, отражающих концептуальные основы внешней и оборонной политики ведущих стран Запада.

С точки зрения денотации рассматриваемого понятия все подобного рода документы можно разделить на две группы: те, в которых содержится определение стрессоустойчивости, и те, в которых такового отсутствует. Очень развернуто стрессоустойчивость определяется, в частности, в Белой книге по вопросам политики безопасности Германии и будущему бундесвера 2016 г.²⁶ Определение, которое приводят разработчики документа, максимально приближено к классической дефиниции Холлинга: стрессоустойчивость понимается ими как «способность государства, экономики и общества противостоять шокам, вызванным природными катастрофами, системными сбоями или целенаправленными атаками, и адаптироваться к ним... сохраняя при этом нормальное функционирование»²⁷. Несколько иначе расставлены акценты в Глобальной стратегии Европейского союза 2016 г., где стрессоустойчивость характеризуется как «способность государств и обществ реформироваться, тем самым выдерживая внутренние и внешние кризисы и восстанавливаясь после них»²⁸. (Правда, отсутствие в документе каких-либо указаний на соотношение «реформирования» и «восстановления» вносит неясность в содержание данного определения.) Кроме того, в Глобальной стратегии ЕС говорится о «многогранном подходе к стрессоустойчивости», учитывающем особенности разных обществ²⁹. В свою

²⁶ White Paper 2016: 60.

²⁷ Ibid.: 49.

²⁸ Shared Vision 2016: 23.

²⁹ Ibid.: 25.

очередь, во французской и британской концепциях безопасности и обороны (2013 и 2015 гг. соответственно) понятие «стрессоустойчивость» употребляется без какой-либо терминологической конкретизации. Сходным образом обстоит дело и в Законе о противодействии врагам Америки посредством санкций, подписанном президентом США Дональдом Трампом 2 августа 2017 г.³⁰, а также в Докладе о перспективах развития отношений с Россией, опубликованном комитетом по международным делам палаты общин Великобритании 2 марта 2017 г.³¹

³⁰ *Countering America's Adversaries 2017.*

³¹ *The United Kingdom's Relations 2017.*

³² *UK National Security Strategy 2015: 27; Shared Vision 2016: 23.*

³³ *White Paper 2016: 30.*

³⁴ *Shared Vision 2016: 23.*

³⁵ *Ibid.: 24.*

³⁶ *См., напр. The 2013 French White Paper: 39; UK National Security Strategy 2015: 11; White Paper 2016: 40.*

³⁷ *См., напр. White Paper 2016: 40; The 2013 French White Paper: 38.*

³⁸ *См., напр. Shared Vision 2016: 23, 25.*

³⁹ *Подробнее см. White Paper 2016: 90, 93, 98.*

⁴⁰ *Ibid.: 32.*

Спектр коннотаций «стрессоустойчивости» в политическом дискурсе западных стран достаточно широк и включает в себя такие понятия, как «безопасность»³², «оборона»³³, «демократия»³⁴, «доверие к институтам», «модернизация»³⁵.

В качестве антонимов «стрессоустойчивости» в подавляющем большинстве концептуальных документов по вопросам внешней и оборонной политики используются термины «хрупкость» (*fragility*)³⁶ и «крах [государства]» (*state failure*)³⁷. При этом сами антонимы никак не конкретизируются³⁸, что создает предпосылки для неоднозначного их толкования.

Анализ внешне- и военно-политического дискурса современных западных стран открывает обширное пространство для рассуждений о семиотике «стрессоустойчивости». В зависимости от контекста данное понятие может выступать в качестве идеологии, элемента (зачастую декоративного) стиля политического письма, идеального состояния внутренней или внешней среды, свойства структуры, (внешне) политической доктрины, инструмента политического или экономического влияния и даже духа политики. Нередко в одном документе «стрессоустойчивость» сочетает в себе сразу несколько упомянутых выше значений. Так, в Белой книге по вопросам политики безопасности Германии 2016 г. она позиционируется одновременно и как *принцип организации* системы национальной безопасности (в частности, бундесвера)³⁹, и как олицетворение *духа* сбалансированной внешней политики Европейского союза, которая резко противопоставлена «отказу России от партнерства с Западом и ее выбору в пользу стратегической конфронтации»⁴⁰.

С синтагматической точки зрения обращает на себя внимание тот факт, что чаще всего термин «стрессоустойчивость» употребляется в сочетании с глаголами «наращивать» (*build-up*) и «усиливать» (*strengthen*). Реже используется глагол «совершенствовать» (*enhance*). Между тем слово «наращивание» неизбежно вызывает милитаристские ассоциации («наращивание гонки вооружений», «наращивание военного присутствия»), что явно противоречит подчеркнутой миролюбивости термина «стрессоустойчивость».

Еще одну двусмысленность порождает тезис о важности согласования стратегий ЕС и НАТО по противодействию политике России в контексте украинского кризиса, представленный в Белой книге по вопросам политики безопасности Германии. В частности, в документе

⁴¹ *Ibid.*: 38.

указывается на необходимость «повышения оперативности (responsiveness), стрессоустойчивости, а также способности предотвращать и сопротивляться воздействию кибератак и информационных операций»⁴¹. С учетом разного функционального предназначения понятий «стрессоустойчивость» и «предотвращение» их совместимость вызывает большие сомнения, поскольку стрессоустойчивость в принципе исключает упреждающее воздействие на угрозу. Стоит также обратить внимание на то, что в рассмотренных документах «стрессоустойчивость» часто используется в паре с понятием «стойкость» (robustness)⁴², которое тоже никак не конкретизируется и при переводе может быть неверно интерпретировано.

⁴² См., напр. *Ibid.*: 48; *The 2013 French White Paper*: 101.

Наконец, в парадигматическом смысле возникает вопрос о соотношении таких понятий, как «стрессоустойчивость» и «устойчивое развитие». Анализ документов показывает, что принципиального различия между этими понятиями не проводится; скорее они воспринимаются как взаимодополняющие. Например, в Отчете о реализации целей устойчивого развития, который был опубликован комитетом по международному развитию палаты общин Великобритании в мае 2016 г., говорится о необходимости «сделать города [африканских стран] и их население инклюзивными, безопасными, стрессоустойчивыми и устойчиво развивающимися»⁴³, а также «содействовать устойчивому и стрессоустойчивому развитию инфраструктуры (facilitate sustainable and resilient infrastructure development) развивающихся стран»⁴⁴. В свою очередь, в Глобальной стратегии ЕС 2016 г. стрессоустойчивость определена настолько широко, что фактически становится «незаменимым» озабочиваемым и выступает как «более широкий концепт», чем устойчивое развитие⁴⁵.

⁴³ *UK Implementation 2016*: 8.

⁴⁴ *Ibid.*: 70.

⁴⁵ *Shared Vision 2016*: 25.

Терминологическая эклектика, присущая доктрине международного развития, которой следуют ведущие европейские державы, порождает потребность в более глубоком анализе эффективности и согласованности практической реализации стрессоустойчивости. Как отмечает английский исследователь Джонатан Джозеф, практики стрессоустойчивости, которые продвигает ЕС в рамках своей политики по отношению к странам Африканского рога и региона Сахель, демонстрируют полную неработоспособность на микроуровне. А тот факт, что Брюссель игнорирует очевидную неэффективность осуществляемых им гуманитарных мер, с его точки зрения, указывает на то, что на самом деле стрессоустойчивость есть не более чем новая концепция непрямого управления периферией⁴⁶. Продолжая мысль Джозефа, можно поставить вопрос о том, способно ли в принципе одно государство *повышать/укреплять* стрессоустойчивость другого, руководствуясь критериями, которые считает наиболее правильными. Если исходить из того, что стрессоустойчивость традиционно воспринимается как именно *внутренний* ресурс *самоорганизующихся* систем, то ответ будет безусловно отрицательным. Тем не менее Европейский союз в своей Глобальной стратегии декларирует намерение поощрять

⁴⁶ *Joseph 2014*: 299.

⁴⁷ *Shared Vision*
2016: 25.

стрессоустойчивость даже в тех государствах, которые не имеют желания вообще с ним сблизиться⁴⁷. Это, пожалуй, самая яркая иллюстрация принципиального различия между научным и политическим прочтением понятия «стрессоустойчивость».

Заключение

Таким образом, мы выяснили, что понятие «стрессоустойчивость» обладает весьма широкой денотацией и большим набором коннотаций. Отчасти вследствие этого его место в структуре дискурса порождает ряд проблем как синтагматического, так и парадигматического плана. Вместе с тем представляется маловероятным, чтобы уточнение данного термина пошло в направлении утверждения «единственно верной» «грамматики» его употребления. Таковая едва ли возможна и желательна, учитывая как развитие науки, так и несомненную связь общественных дисциплин с политической практикой, где «единственно верное» определение могло бы помешать идейному плюрализму.

В связи с этим особую важность в прочтении стрессоустойчивости приобретает прагматическое измерение, то есть практики интерпретации и использования понятия во внешней политике различных государств. Широкое употребление термина «стрессоустойчивость» в документах, где идет речь о концептуальных основах внешней и оборонной политики ведущих западных государств, не поддается однозначной трактовке. В каждом конкретном случае оно имеет разную семантическую обусловленность. Для одних акторов (например, для ЕС) это скорее модное словечко, с помощью которого обозначается попытка совместить стабильность и развитие, безопасность и права человека, универсализм и важность локального контекста, поддержку государств и обществ, вмешательство и невмешательство. Для других акторов (в особенности для ФРГ и Великобритании) это в большей степени лейтмотив структурной организации политики.

В то же время аморфность понятия «стрессоустойчивость», так или иначе заложенного в основы внешней политики, расширяет свободу маневра заинтересованных акторов в обращении с не менее аморфными рисками и угрозами международной безопасности, пролиферация которых сопровождает развитие глобализации.

Библиография

Andersen R.S., J.A.Vuori, and X.Guillaume. (2015) «Chromatology of Security: Introducing Colors to Visual Security Studies» // *Security Dialogue*, vol. 46, no. 5: 440—457.

Anderson B. (2015) «What Kind of Thing Is Resilience?» // *Politics*, vol. 35, no. 1: 60—66.

Bourbeau P. (2017) «Resilience, Security and World Politics» // Chandler D. and J.Coaffee, eds. *The Routledge Handbook of International Resilience*. London, New York: Routledge: 26—37.

Brand F.S. and K.Jax. (2007) «Focusing the Meaning(s) of Resilience: Resilience as a Descriptive Concept and a Boundary Object» // *Ecology and Society*, vol. 12, no. 1. URL: <http://www.ecologyandsociety.org/vol12/iss1/art23/> (accessed 16.11.2017).

Carpenter S., B.Walker, J.M.Anderies, and N.Abel. (2001) «From Metaphor to Measurement: Resilience of What to What» // *Ecosystems*, vol. 4, no. 8: 765—781.

Chandler D. (2007) *Semiotics: the Basics*. London, New York: Routledge. URL: <http://wayanswardhani.lecture.ub.ac.id/files/2013/09/Semiotics-the-Basics.pdf> (accessed 16.11.2017).

Countering America's Adversaries through Sanctions Act. (2017) URL: <https://www.congress.gov/bill/115th-congress/house-bill/3364/text?q=%7B%22search%22%3A%5B%22resilience+Russia+security%22%5D%7D&r=1> (accessed 16.11.2017).

Downes B.J., F.Miller, J.Barnett, A.Glaister, and H.M.Ellemor. (2013) «How Do We Know about Resilience? An Analysis of Empirical Research on Resilience, and Implications for Interdisciplinary Praxis» // *Environmental Research Letters*, vol. 8, no. 1: 1—8.

Holling C.S. (1973) «Resilience and Stability of Ecological Systems» // *Annual Review of Ecology and Systematics*, vol. 4: 1—23.

Joseph J. (2014) «The EU in the Horn of Africa: Building Resilience as a Distant Form of Governance» // *Journal of Common Market Studies*, vol. 52, no. 2: 285—301.

Kangas A. (2009) «From Interfaces to Interpretants: A Pragmatist Exploration into Popular Culture as International Relations» // *Millennium: Journal of International Studies*, vol. 38, no. 2: 317—343.

Posner R. (1997) «Semiotics and Its Presentation in This Handbook (Die Semiotik und ihre Darstellung in diesem Handbuch)» // Posner R., K.Robering, und T.A.Sebeok, hrsg. *Semiotik: ein Handbuch zu den zeichentheoretischen Grundlagen von Natur und Kultur (Semiotics: A Handbook on the Sign-Theoretic Foundations of Nature and Culture)*. Teilband (Vol.) 1. Berlin, New York: Walter de Gruyter: 1—14.

Randalls S. and S.Simon. (2017) «Making Resilience Strange: Ontological Politics in a „Time of Crisis“» // Chandler D. and J.Coaffee, eds. *The Routledge Handbook of International Resilience*. London, New York: Routledge: 38—48.

Shared Vision, Common Action: A Stronger Europe. A Global Strategy for the European Union's Common Foreign and Security Policy, June 2016. URL: http://www.eeas.europa.eu/archives/docs/top_stories/pdf/eugs_review_web.pdf (accessed 16.11.2017).

The 2013 French White Paper on Defense and National Security. URL: <https://otan.delegfrance.org/White-Paper-on-Defence-and-National-Security> (accessed 16.11.2017).

The United Kingdom's Relations with Russia. (2017) URL: <https://publications.parliament.uk/pa/cm201617/cmselect/cmcaff/120/120.pdf> (accessed 16.11.2017).

UK Implementation of the Sustainable Development Goals: First Report of Session 2016—2017. 2016. URL: <https://publications.parliament.uk/pa/cm201617/cmselect/cmintdev/103/103.pdf> (accessed 16.11.2017).

UK National Security Strategy and Strategic Defense Review 2015. URL: https://www.gov.uk/government/uploads/system/uploads/attachment_data/file/478933/52309_Cm_9161_NSS_SD_Review_web_only.pdf (accessed 16.11.2017).

Werner W.G. (2001) «Securitization and Judicial Review: A Semiotic Perspective on the Relation between the Security Council and International Judicial Bodies» // *International Journal for the Semiotics of Law*, vol. 14, no. 4: 345—366.

White Paper on German Security Policy and the Future of Bundeswehr 2016. URL: <http://www.gmfus.org/publications/white-paper-german-security-policy-and-future-bundeswehr> (accessed 16.11.2017).

N.N.Gudalov, D.S.Tulupov
SEMIOTICS OF RESILIENCE
IN INTERNATIONAL RELATIONS:
THE DIVERSITY OF ACADEMIC
AND POLITICAL MEANINGS

Nikolai N. Gudalov — Ph.D. in Political Science; Senior Lecturer at the Department of European Studies, Faculty of International Relations, St. Petersburg State University. Email: n.gudalov@spbu.ru.

Dmitry S. Tulupov — Ph.D. in History; Senior Lecturer at the Department of Theory and History of International Relations, Faculty of International Relations, St. Petersburg State University. Email: touloupovd@yandex.ru.

Abstract. In the recent years the Western countries have increasingly used the concept of resilience in the political science and politics discourses. This concept characterizes the reaction of subjects to the impact of shocks of any kind and origin, however, its conventional definition has not been elaborated yet. The authors have turned to semiotics as their theoretical basis and attempted to identify the nature of the relationship between the use of the term “resilience” in the scientific discourse and its application to political practice. They analyzed the scientific interpretations of “resilience” and forms of the use of this concept in the documents, which reflect the approaches to foreign and defense policy of the European Union, Germany, France and Britain.

The study showed that the concept of resilience has a very broad denotation and a large number of connotations, which makes its use in the structure of discourse problematic from both syntagmatic and paradigmatic views. Therefore, according to the authors, the pragmatic dimension of the concept, i.e., how the concept is used and interpreted in foreign policy of different states, gains particular importance for comprehending “resilience”. At the same time the very amorphousness of the term “resilience” broadens the freedom of maneuver by the interested actors when dealing with equally amorphous risks and threats to the international security, the proliferation of which accompanies the development of globalization.

Keywords: resilience, sustainable development, foreign policy, security, European Union

References

- Andersen R.S., J.A.Vuori, and X.Guillaume. (2015) «Chromatology of Security: Introducing Colors to Visual Security Studies» // *Security Dialogue*, vol. 46, no. 5: 440–457.
- Anderson B. (2015) «What Kind of Thing Is Resilience?» // *Politics*, vol. 35, no. 1: 60–66.
- Bourbeau P. (2017) «Resilience, Security and World Politics» // Chandler D. and J.Coaffee, eds. *The Routledge Handbook of International Resilience*. London, New York: Routledge: 26–37.
- Brand F.S. and K.Jax. (2007) «Focusing the Meaning(s) of Resilience: Resilience as a Descriptive Concept and a Boundary Object» // *Ecology and Society*, vol. 12, no. 1. URL: <http://www.ecologyandsociety.org/vol12/iss1/art23/> (accessed 16.11.2017).
- Carpenter S., B.Walker, J.M.Anderies, and N.Abel. (2001) «From Metaphor to Measurement: Resilience of What to What» // *Ecosystems*, vol. 4, no. 8: 765–781.
- Chandler D. (2007) *Semiotics: the Basics*. London, New York: Routledge. URL: <http://wayanswardhani.lecture.ub.ac.id/files/2013/09/Semiotics-the-Basics.pdf> (accessed 16.11.2017).
- Countering America's Adversaries through Sanctions Act*. (2017) URL: <https://www.congress.gov/bill/115th-congress/house-bill/3364/text?q=%7B%22search%22%3A%5B%22resilience+Russia+security%22%5D%7D&r=1> (accessed 16.11.2017).
- Downes B.J., F.Miller, J.Barnett, A.Glaister, and H.M.Ellemor. (2013) «How Do We Know about Resilience? An Analysis of Empirical Research on Resilience, and Implications for Interdisciplinary Praxis» // *Environmental Research Letters*, vol. 8, no. 1: 1–8.
- Holling C.S. (1973) «Resilience and Stability of Ecological Systems» // *Annual Review of Ecology and Systematics*, vol. 4: 1–23.
- Joseph J. (2014) «The EU in the Horn of Africa: Building Resilience as a Distant Form of Governance» // *Journal of Common Market Studies*, vol. 52, no. 2: 285–301.

Kangas A. (2009) «From Interfaces to Interpretants: A Pragmatist Exploration into Popular Culture as International Relations» // *Millennium: Journal of International Studies*, vol. 38, no. 2: 317–343.

Posner R. (1997) «Semiotics and Its Presentation in This Handbook (Die Semiotik und ihre Darstellung in diesem Handbuch)» // Posner R., K.Robering, und T.A.Sebeok, hrsg. *Semiotik: ein Handbuch zu den zeichentheoretischen Grundlagen von Natur und Kultur (Semiotics: A Handbook on the Sign-Theoretic Foundations of Nature and Culture)*. Teilband (Vol.) 1. Berlin, New York: Walter de Gruyter: 1–14.

Randalls S. and S.Simon. (2017) «Making Resilience Strange: Ontological Politics in a „Time of Crisis“» // Chandler D. and J.Coaffee, eds. *The Routledge Handbook of International Resilience*. London, New York: Routledge: 38–48.

Shared Vision, Common Action: A Stronger Europe. A Global Strategy for the European Union's Common Foreign and Security Policy, June 2016. URL: http://www.eeas.europa.eu/archives/docs/top_stories/pdf/eugs_review_web.pdf (accessed 16.11.2017).

The 2013 French White Paper on Defense and National Security. URL: <https://otan.delegfrance.org/White-Paper-on-Defence-and-National-Security> (accessed 16.11.2017).

The United Kingdom's Relations with Russia. (2017) URL: <https://publications.parliament.uk/pa/cm201617/cmselect/cmcaff/120/120.pdf> (accessed 16.11.2017).

UK Implementation of the Sustainable Development Goals: First Report of Session 2016–2017. 2016. URL: <https://publications.parliament.uk/pa/cm201617/cmselect/cmintdev/103/103.pdf> (accessed 16.11.2017).

UK National Security Strategy and Strategic Defense Review 2015. URL: https://www.gov.uk/government/uploads/system/uploads/attachment_data/file/478933/52309_Cm_9161_NSS_SD_Review_web_only.pdf (accessed 16.11.2017).

Werner W.G. (2001) «Securitization and Judicial Review: A Semiotic Perspective on the Relation between the Security Council and International Judicial Bodies» // *International Journal for the Semiotics of Law*, vol. 14, no. 4: 345–366.

White Paper on German Security Policy and the Future of Bundeswehr 2016. URL: <http://www.gmfus.org/publications/white-paper-german-security-policy-and-future-bundeswehr> (accessed 16.11.2017).